

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2026-84-2-160-166

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД Н. В. ГОГОЛЯ В ПОВЕСТИ «ШИНЕЛЬ»

© Ольга Гаранина

NIKOLAI GOGOL'S ARTISTIC METHOD IN "THE OVERCOAT" STORY

Olga Garanina

There are many factors that influence the way readers perceive classic literature, which accounts for the importance of reading classics from the perspective of contemporary cultural concepts. In this article, we analyze Nikolai Gogol's short story "The Overcoat" and examine the multi-level organization of the text and its layers of meaning from the perspective of a modern reader who is accustomed to a worldview that emphasizes personal responsibility for one's interactions with the world and their own destiny. At the same time, the idea of the existence of the unconscious, various methods of psychological defense, etc., have become widespread in the mass consciousness being part of the cultural code. In other words, the new context has a significant impact on the reader's perception of a classic work, which determines the novelty and relevance of the research. As a result of our research, we found that the narrative in Gogol's work is organized at two levels: the external and the internal. It is easier for a modern reader to reach the internal level than it was for the writer's contemporaries. We traced the contrast between the reader's perception of the external events, described in the story (the image of the main character is distinguished by absolute archetypal coherence, it is difficult not to "recognize" a holy righteous man with a bitter fate in Bashmachkin and not to feel pity for this character), and reflection: gradually the reader would discover a number of contradictions in the story of Akaki Akakievich and, solving the author's riddle, would move from the story of a little man in the best literary traditions (including the traditions of ancient Russian literature, depicting similar images in the genre of hagiography) to a metaphysical and philosophical level.

Keywords: artistic method, Nikolai Gogol, world view, conception, cultural code, levels of text organization

На читательское восприятие классических литературных произведений влияет множество факторов, поэтому актуальным является прочтение классики с позиций культурных концепций современности. В статье мы обращаемся к анализу повести Н. В. Гоголя «Шинель» и рассматриваем многоуровневую организацию текста произведения и присутствующие в нем смысловые пласты с точки зрения современного читателя, для которого привычной является картина мира, где актуализирована идея личной ответственности человека за его взаимодействие с миром и собственную судьбу. Одновременно в массовом сознании широко распространилось и стало частью культурного кода представление о существовании бессознательного, различных способах психологической защиты – словом, новый контекст оказывает существенное влияние на читательское восприятие классического произведения, что определяет новизну и актуальность статьи. В результате проведенного исследования мы выявили, что повествование в произведении Н. В. Гоголя «Шинель» организовано на двух уровнях: внешнем и внутреннем. Современному читателю добраться до внутреннего уровня проще, чем современникам писателя. Мы проследили, как контрастируют в читательском восприятии реакция на описанные в повести внешние события (образ главного героя отличается абсолютная архетипическая когерентность, сложно не «узнать» в Башмачкине святого праведника с горькой судьбой и не испытать жалость к герою) и рефлексия (постепенно читатель должен обнаружить ряд противоречий в истории Акакия Акакиевича и, разгадывая загадку автора, постепенно выйти от истории о маленьком человеке в лучших литературных традициях (в том числе традициях древнерусской литературы, рисующей похожие образы в жанре жития святого) на уровень метафизический, философский.

Ключевые слова: метод художественный, Н. В. Гоголь, картина мира, концепция, культурный код, уровень организации текста

Для цитирования: Гаранина О. Художественный метод Н. В. Гоголя в повести «Шинель» // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 2 (84). С. 160–166. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-84-2-160-166

Повести «Шинель» Н. В. Гоголя посвящено большое количество исследований, авторы которых сосредоточивали внимание на самых разных аспектах от религиозного компонента (Долгушин) и интертекстуальных связей (Петрова) в произведении до особенностей композиции (Славутин, Пимонов). По мере появления новых научных данных меняется и взгляд исследователей на уже известные, казалось бы, явления, переосмысливаются и получают современное освещение существующие культурные концепции. В данной статье мы ставим перед собой цель рассмотреть повесть Н. В. Гоголя «Шинель» [1, с. 139–175] с учетом новых данных, связанных с распространением психологического знания, которое сегодня стало частью массовой культуры и оказывает влияние на читательское восприятие текстов художественной литературы, позволяя увидеть больше, чем и обусловлена актуальность исследования.

Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» представляет собой важную веху в развитии темы «маленького человека» в русской литературе.

История Акакия Акакиевича Башмачкина примечательна своей амбивалентностью. Во взгляде автора на Башмачкина совмещаются два плана: внешний план – то, что лежит на поверхности, взгляд на героя «со стороны». Второй – внутренний, неочевидный, на него, скорее, оставлены намеки в тексте, при поверхностном прочтении его не разглядеть. Наша задача в исследовании – рассмотреть, как именно предлагает читателю заглянуть вглубь Н. В. Гоголь, и таким образом приблизиться к пониманию художественного метода писателя.

Н. В. Гоголь выстраивает текст повести таким образом, чтобы читатель практически все время наблюдал за Башмачкиным со стороны. И тут рисуется хорошо узнаваемый образ: возникают ассоциации с несправедливо обиженным Самсоном Выриным из повести А. С. Пушкина, но главная ассоциация – архетипический христианский образ святого праведника, терпящего нападки жестокосердных окружающих. Он прощает своих обидчиков, не допускает мысли о самозащите и со смирением сносит все причиняемые страдания. Жизнь Башмачкин ведет столь тихую и непогрешимую, что не каждому монаху такое под силу: никаких удовольствий, никаких развлечений, тем более никаких грехов. Тихое существование совершенно незаметного человека, проводящего большую часть своего времени на службе за переписыванием бумаг (впрочем, удовольствие Башмачкин все-таки испытывает, когда встречается при переписывании любимые бук-

вы). Ни разу Акакий Акакиевич себя не защитил, когда сыпали на него бумагу или подталкивали под локоть сослуживцы.

На первый взгляд, перед нами святой человек, которого, по примеру христианских мучеников или юродивых, гонят окружающие, не понимая, кто перед ними. Жестокосердными и недостойными предстают с этой точки зрения и сослуживцы, и портной Петрович, и квартирная хозяйка, и будочник, и значительное лицо – практически каждый в окружении Акакия Акакиевича. Не разглядели, не поняли, не помогли.

Усиливает это впечатление и композиция произведения: повесть «Шинель» скроена, хоть и в пародийном ключе, по лекалам жанрового канона жития святого. В повести присутствует краткий рассказ о детстве героя, и мы успеваем сделать главный вывод: Башмачкину с самого начала будто нет места в мире: для него не нашлось имени (и родителям пришлось дать ему имя отца – Акакий). Только появившийся на свет Башмачкин будто уже предрекал свою дальнейшую судьбу: *«сделал такую гримасу, как будто предчувствовал, что будет титулярный советник»* [Там же, с. 142]. Канон жанра жития предполагает рассказ о детских и отроческих годах будущего святого. Как правило, подчеркивается, что ребенок с самого раннего возраста был «не от мира сего»: сторонился игр со сверстниками, постился, проводил время в молитве, был смиренным и задумчивым.

Вторая часть житийной композиции – рассказ о жизненном пути и духовном подвиге святого – также присутствует в повести Гоголя. Подготовка к покупке новой шинели позволила читателю больше узнать о жизненном укладе и быте Башмачкина. Столь скромные потребности можно представить разве что у человека в глубокой старости, принявшего схиму. Когда же шинель удалось приобрести, Башмачкина практически сразу ограбили. Кража шинели стоила герою жизни: коварный и жестокий Петербург с его пробирающими до костей холодными ветрами в необъятном пространстве и людской черствостью сгубил Акакия Акакиевича:

«Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье!» [Там же, с. 167], –

и через несколько дней герой скончался.

Рассказ о смерти и посмертных чудесах – еще одна обязательная часть композиции произведения в жанре жития. И действительно, Башмачкин, превратившись в призрака, совершает по-

смертные чудеса, только сомнительного свойства. Призрак несправедливо обиженного титулярного советника срывает с прохожих шинели. Заканчивается разгул призрака по улицам Петербурга после встречи со значительным лицом и свершения мести.

Как видим, внешний план повести таков, что, с одной стороны, позволяет смотреть на Башмачкина как на гонимого праведника, божьего человека. С другой же – у читателя не могут не возникнуть вопросы и сомнения.

Н. В. Гоголь – писатель, в творчестве которого первостепенное значение имеет христианская направленность. Как видим, образ Башмачкина предстает амбивалентным: можно смотреть на Акакия Акакиевича как на терпящего гонения от жестокосердных людей праведника, чему способствует – не в последнюю очередь – следование писателя жанровым канонам житийной литературы и литературной традиции, идущей от Пушкина; а можно совсем иначе. На жанровую канву жития накладываются в произведении Гоголя зловещие детали, связанные с образом Башмачкина. Так, превращение в озлобленного призрака, мстящего всему Петербургу и обрекающего случайных прохожих на ту же смерть, что принял сам, слабо согласуется с образом святого мученика.

В христианской литературе начиная от Евангелия и Деяний святых апостолов звучит один важный постулат: истинный христианин есть воин, борющийся с искушениями и противостоящий козням врага рода человеческого:

«Не будь искушений, и никто бы не спасся, говорит авва Евагрий, и прочие отцы тоже, и что как не чрез искушение приходим в разум истины, а святой Петр Дамаскин: „смирение есть порождение разума, а разум есть порождение искушений“. Итак, не должно бояться искушений и не дерзать на оные» [2, т. 1, с. 296].

Преподобный Исаак Сириин пишет:

«Желать всегда пребывать в неизменном состоянии есть путь волков, т.е. мысленных, которые таковых благовидными предложениями и доводят до погибели, от чего да избавит нас Всеблагий Господь» [Там же, с. 327–328].

Естественным для человека является испытывать весь спектр эмоций, и, по мнению святых отцов, способность преодолевать жизненные трудности – надежный способ обучиться смирению и приблизиться к Богу:

«Стремление к неизменности – это путь „мысленных волков“, т.е. бесов, которым выгодно изолиро-

вать человека от естественного течения его жизни. Течения, в котором у него есть и радость, и горе, и в котором его душа постоянно испытывается и всем ее опытом приводится к лучшему состоянию» [3].

В истории Акакия Акакиевича Башмачкина мы видим, как абсолютно непогрешимый внешне герой, не подвергаясь никаким внутренним искушениям, не получает необходимую закалку и духовный опыт, необходимый живой душе. За внешней покорностью и кажущейся незлобивостью героя вдруг обнаруживаем мстительную натуру.

Рассмотрим психологический аспект повести Н. В. Гоголя «Шинель» и сразу сделаем необходимую оговорку. Нас будет интересовать подход к анализу художественного произведения, который стал возможен благодаря ставшему в современном мире фоновым психологическому знанию. Мы подразумеваем психологическое знание, доступное широкому кругу людей и ставшее частью общей культуры, в том числе читательской.

Объектом художественного исследования писателя становится душа человека, помещенного в определенную ситуацию, о которой, в свою очередь, мы неоднократно читали как в христианских текстах, изображающих поведение святого праведника – монаха или юродивого, так и в светской литературе.

Как мы уже отмечали выше, действие повести разворачивается в двух планах: внешнем и внутреннем. Читатель смотрит на Башмачкина всегда «со стороны» – и сложно не пожалеть несчастного героя, не подивиться жестокосердию окружающих. Так работает литературная канва, в которую Гоголь помещает своего героя. Она-то и способствует «узнаванию» святого праведника, гонимого жестоким миром.

Рассмотрим историю отношений Акакия Акакиевича с сослуживцами, важным компонентом которой является эпизод с молодым человеком, который устыдился насмешек над Башмачкиным и зарекся совершать подобные поступки после своего рода видения и то ли прозвучавших, то ли пригрезившихся слов: «*Я брат твой*» [1, с. 144]. Н. В. Гоголь оставляет читателю свободу выбора: мы сами вольны решать, приписывать ли произошедшее чудо (ведь молодой человек увидел свой грех и исправился) кротости Башмачкина или считать, что герой отказался унижать другого, поскольку ему не позволила совесть.

Именно совесть и сожаления о том, что не смогли спасти, помочь, защитить, могли также стать причиной появления призрака в Петербур-

ге после смерти Башмачкина. Это предположение объясняет и исчезновение призрака после совершения мести, и то, что последней жертвой становится именно значительное лицо. Также возможно, что, совершив месть, призрак, согласно литературной традиции, смог обрести покой и покинуть Город.

Позволим себе отметить, что подобная трактовка любопытна для изучения с точки зрения Петербургского мифа, одним из фундаментальных положений которого является следующее: Петербург – город, который строился на болотах, в категорически не подходящем, непригодном месте. Строительство унесло бесчисленное количество жизней, поэтому Петербург с его туманами и пронизывающими ветрами – город «на костях», город призраков. Как известно, в литературе Петербург впоследствии неоднократно становился символом зла, действующим лицом, отравляющим все живое, поработавшим сознание и толкающим к преступлениям и гибели. В повести Гоголя также есть указания на зловещую природу Петербурга, достаточно вспомнить одинокий огонек на краю света у будочника, горевший, когда грабили Башмачкина [Там же, с. 161], и абсолютно безжизненное, холодное и промозглое пространство, в котором невозможно спастись (та же атмосфера, что в иллюстрациях А. Бенуа к «Медному всаднику» А. С. Пушкина).

Способность испытывать угрызания совести говорит в пользу всех тех, кто окружал Акакия Акакиевича и на службе, и в ходе его злоключений с украденной шинелью. Последним, кто видел призрака, срывающего шинели с прохожих, оказалось то самое значительное лицо, которое могло помочь Башмачкину, но не сделало этого из-за нелепого желания произвести впечатление на школьного приятеля. Возможно, муки совести поспособствовали появлению на улицах Петербурга чиновника-мертвеца: переживания вытесняются, и их источник персонифицируется в образе некоего внешнего объекта, который мыслится источником угрозы, в данном случае призрака.

Обратим внимание и на перемену в поведении сослуживцев в тот день, когда Башмачкин явился на службу в новой шинели. Это заметили. Это оценили. С Акакием Акакиевичем тут же стали заводить разговоры, поздравлять, а кончилось дело тем, что один из сослуживцев помог Башмачкину выпутаться из неловкого положения (позволить себе отметить покупку новой шинели титулярный советник не мог), пригласив всех к себе на именины. Что же изменилось? Почему издевательства вдруг уступили место общению и принятию, даже поддержке?

Очевидно, сыграла роль не новая шинель как таковая. Окружающие отлично знали, что жалование Башмачкина осталось прежним, как и его общественное положение, и, следовательно, здесь сложно предполагать корыстный интерес. Однако в жизни Акакия Акакиевича произошло одно важное изменение, на которое, очевидно, и отреагировали окружающие. Башмачкин едва ли не впервые сделал шаг если не к самоуважению, то хотя бы к тому, чтобы почувствовать себя личностью. Поведение сослуживцев в начале повести можно расценивать как не одобряемую в культуре, но по-своему закономерную реакцию на заметное отсутствие уважения к себе со стороны героя, желание его «расшевелить», «оживить».

Изъяснялся Башмачкин преимущественно предложениями, наречиями и частицами, которые не имеют никакого значения: «*Это, право, совершено того*» [Там же, с. 149], если и говорил о себе, то исключительно как об объекте. С появлением новой шинели в самоощущении титулярного советника стали происходить изменения, которые сразу были замечены и получили поддержку от товарищей Акакия Акакиевича по службе. Таким образом, мы не можем утверждать, что мир, окружающий праведника Акакия Акакиевича, исключительно холоден и беспросветно жесток. Его окружению свойственны те же слабости, что и большинству людей.

Что же происходит на внутреннем контуре, в душе Башмачкина?

Главный принцип, который использует автор, чтобы показать это, – несовпадение плана реакции и плана осмысления для читателя. Текст строится таким образом, что в процессе чтения сложно не испытывать жалость к герою. Этому способствует рассказ о его многочисленных несчастьях, а также обращение писателя к традициям древнерусской христианской литературы и создание образа, вызывающего ассоциации с архетипом святого праведника. Встретив подобный образ, читатель «узнает» его и перестает замечать детали, которые не вяжутся с фигурой святого мученика, видит проекцию уже знакомого образа, и через нее продолжает воспринимать героя.

Противоречия накапливаются постепенно, и это позволяет читателю выйти на следующий уровень в осмыслении текста: появляются вопросы, связанные с христианским вероучением.

Читатель не видит в герое личности, осознающей себя, имеющей собственные желания, стремления и надежды. Внешние кротость и смирение перед насмешками окружающих – не результат решения сильной личности, избравшей

путь добра и всепрощения, а неумение защищать себя, справляться с жизнью и обстоятельствами, элементарное незнание, как действовать, и по мере чтения повести мы все больше в этом убеждаемся. Возможно, именно поэтому в тексте столько обиды: на каждое новое действующее лицо, появляющееся на страницах повести, мы будто смотрим с надеждой, ждем, что несчастному Башмачкину окажут поддержку, сошьют Шинель = подарят защиту. Когда этого не происходит, Акакий Акакиевич, а вместе с ним на уровне реакции и читатель чувствуют обиду: герой изображен удивительно беспомощным, вызывающим жалость.

В русле христианской составляющей произведения отметим, что сюжет повести показывает, насколько легко поддаются злу неокрепшие души (и здесь верующий должен обратить внимание на самого себя и осмыслить собственные поступки). Если исходить из версии, что Башмачкин действительно обратился в зловещего призрака, срывающего шинели с прохожих, это слабо согласуется с идеей христианского всепрощения. Кроме того, очевиден становится и пародийный характер использования жанровой канвы жития святого: и рассказ о детстве Башмачкина нелеп и полон деталей, которые вызывают, скорее, жалость, чем желание отождествиться с героем; и главное чудо, совершенное им при жизни, довольно будничное – накопление денег и покупка новой шинели; и посмертные чудеса связаны не с помощью людям, а с обидой и мстостью.

Так мы выходим на следующий уровень осмысления авторской концепции текста – психологический и/или художественный. На психологическом уровне можно сосредоточиться на вопросе о личной ответственности человека (и решении этого вопроса в произведении). С художественной точки зрения обращает на себя внимание образ Петербурга, представленный в повести скорее во вкусе В. А. Жуковского, чем Ф. М. Достоевского. Акакий Акакиевич превращается в призрака, нападающего на прохожих и навещающего ужас на жителей города. То есть он сам становится частью Города, его плотью от плоти. Нечто похожее встречаем у В. Жуковского в стихотворении «Ночной смотр» [4, с. 389–390]: погибшие на полях сражений воины теперь вечно несут службу на своих посмертных постах и в двенадцать часов по ночам встают на императорский смотр. В вечности они останутся как солдаты, а здесь, в «подлунном мире», неизменными (и, значит, волшебными? Или страшными?) останутся места их встреч.

Вместе с тем читатель повести Н. В. Гоголя «Шинель» может дать произошедшим в сюжете событиям и «психологическое» объяснение: призрак появился в Петербурге после смерти Акакия Акакиевича, что может быть связано с тем, что знакомые Башмачкина испытывают угрызения совести и потому рассказывают страшные истории о мстящем призраке. Что же касается «художественного» варианта, Гоголь вносит вклад, который до сих пор не был осмыслен в художественной и исследовательской литературе, в формирование образа Петербурга: писатель показывает элемент структуры как будто заколдованного, зловещего города призраков и ветров и рассказывает историю появления этого элемента. История Акакия Акакиевича в этом смысле типична, жизненный выбор героя приводит к такому результату. Сломанная судьба несчастного, незаметного, бессильного что-либо изменить человека – часть плоти города-призрака. Подобно тому, как приезжающие на строительство Петербурга, по легенде, привозили с собой по камню для строительства города, невидимая и пугающая сторона города-призрака сложена из таких «камней», каждый из которых – зачастую добровольно сломанная чья-то судьба. И такими, униженными и оскорбленными, строители-призраки останутся в вечности.

Итак, в повести Н. В. Гоголя «Шинель» присутствует несколько смысловых слоев, каждый из которых важен для понимания художественного метода писателя:

- следование известной литературной традиции (как религиозной, так и светской) и следование принципу архетипической когерентности;
- христианская составляющая;
- психологическая и художественная составляющие;
- выход на метафизический уровень.

Продолжая вслед за А. С. Пушкиным осмысливать тему маленького человека, Н. В. Гоголь в повести «Шинель» выделил ряд ключевых аспектов в раскрытии данной темы, многие из которых впоследствии получили дальнейшее осмысление в творчестве других русских писателей-классиков, прежде всего Ф. М. Достоевского, посвятившего свое творчество цели показать, что происходит во внутреннем мире внешне покорного человека, вынужденного мириться с невыносимыми обстоятельствами. В частности, Ф. М. Достоевский выделил несколько типов «подпольных» людей, один из которых, «мечтатель», имеет много общего с Акакием Акакиевичем Башмачкиным. Такие герои предпочитают, сталкиваясь с трудностями, не противостоять им и не решать проблему, а дистанцироваться от

происходящего и уходить в мир фантазий. В результате удары судьбы продолжают сыпаться на безответного героя, который прячется в свой выдуманный мирок, пока это возможно. Впереди – либо смерть (как в случае с Башмачкиным у Н. В. Гоголя), либо превращение в «шута» и чаще всего уже потом – смерть (как в случае с Мармеладовым у Достоевского). Звучат отголоски повести Н. В. Гоголя и в произведениях А. П. Чехова, в частности в рассказах «Человек в футляре» и «Смерть чиновника», где мотив потери человеком себя является ключевым.

Каждый из писателей, как классик, так и наш современник, раскрывает тему маленького человека по-своему, одновременно находясь в диалоге с предшественниками. Современный же читатель русской классики знает и об учении З. Фрейда, и о коллективном бессознательном, открытом К. Г. Юнгом, и о различных механизмах психологической защиты. Как минимум, современная культура приучает нас к мысли о том, что в любой конфликтной ситуации есть две стороны, каждая из которых так или иначе вносит собственный вклад в происходящее, а также к мысли об ответственности каждого за свой жизненный выбор. Все это способствует переосмыслению прежнего читательского опыта и позволяет массовому читателю увидеть больше в текстах Н. В. Гоголя.

Итак, мы рассмотрели смысловые пласты в повести Н. В. Гоголя с учетом распространения психологического знания, которое успело превратиться в «фоновое» для современного человека и в настоящее время неизбежно оказывает влияние на читательский опыт. Как видим, художественный метод Н. В. Гоголя содержит и следование литературной традиции от древнерусской литературы до реализма, и элементы направления, получившего название «духовного реализма» [5, с. 13].

Перспективы исследования в данной области богаты: обращение даже к фоновому психологическому знанию, доступному современному носителю массовой культуры, позволяет увидеть в произведениях писателя новые, еще не изученные аспекты. Продуктивно использовать междисциплинарный подход и опираться на данные нейролингвистики и психологии при анализе произведений Н. В. Гоголя.

Список источников

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений АН СССР, Ин-т литературы (Пушкин. дом). Т. 3. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. 728 с.

2. Душеполезные поучения преподобных Оптинских старцев. Издание Введенской Оптиной пустыни. 2000, тт. 1–2.

3. Кандалинцев В. Учение Оптинских старцев. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/prochee/uchenie-optinskih-startsev/8> (дата обращения: 30.11.2025).

4. Жуковский В. А. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. Стихотворения. С. 389–390.

5. Аванесян И. Б. Проблемы изучения духовного реализма как художественного метода в современном литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 13–15.

Библиографический список

1. Долгушин Д. В. Еще раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н. В. Гоголя. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-svyatootecheskih-motivah-v-shineli-n-v-gogolya> (дата обращения: 09.02.2026).

2. Петрова М. В. Литературные архетипы в повестях Н. В. Гоголя. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-arhetipy-v-povestyah-n-v-gogolya> (дата обращения: 09.02.2026).

3. Пушкин А. С. Станционный смотритель // Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Л.: Наука. 1978. С. 88–90.

4. Славутин Е. И. Пимонов В. И. Как все-таки сделана «Шинель» Гоголя? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vse-taki-sdelana-shinel-gogolya> (дата обращения: 09.02.2026).

5. Старцева Е. В. Жанр жития в русской литературе начала XXI века: к проблеме авторской оценки // Молодой ученый: журнал. 2020. Декабрь. № 50 (340). С. 578–580.

References

1. Gogol', N. V. (1938). *Polnoe sobranie sochinenii AN SSSR* [Complete Works, the USSR Academy of Sciences]. In-t literature (Pushkin. dom). T. 3. Povesti. 728 p. Moscow, izd-vo AN SSSR. (In Russian)

2. *Dushepoleznye poucheniya prepodobnykh Optinskikh startsev* (2000) [Soul-Beneficial Teachings of the Venerable Optina Elders]. Tt. 1–2. Izдание Vvedenskoi Optinoi pustyni. (In Russian)

3. Kandallintsev, V. *Uchenie Optinskikh startsev* [The Teachings of the Optina Elders]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/prochee/uchenie-optinskih-startsev/8> (accessed: 30.11.2025). (In Russian)

4. Zhukovskii, V. A. (1959). *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works in 4 Volumes]. T. 1. Stikhotvoreniya. Pp. 389–390. Moscow, Leningrad. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. (In Russian)

5. Avanesyan, I. B. (2013). *Problemy izucheniya dukhovnogo realizma kak khudozhestvennogo metoda v sovremennom literaturovedenii* [Problems of Studying Spiritual Realism as an Artistic Method in Modern Literary Criticism]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i*

praktiki. No. 2 (20), pp. 13–15. Tambov, Gramota. (In Russian)

Bibliography

1. Dolgushin, D. V. (2007). *Eshche raz o svyatootecheskikh motivakh v "Shineli" N. V. Gogolya* [Revisiting the Patristic Motifs in N. V. Gogol's "The Overcoat"]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-o-svyatootecheskih-motivah-v-shineli-n-v-gogolya> (accessed: 9.02.2026). (In Russian)

2. Petrova, M. V. (2017). *Literaturnye arkhetypy v povestiakh N. V. Gogolya* [Literary Archetypes in the Stories of N. V. Gogol]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnye-arhetipy-v-povestyah-n-v-gogolya> (accessed: 9.02.2026). (In Russian)

3. Pushkin, A. S. (1978). *Stantsionnyi smotritel'* [The Stationmaster]. Poln. sobr. soch. V 10-ti tt. Pp. 88–90. Leningrad, Nauka. (In Russian)

4. Slavutin, E. I. Pimonov, V. I. (2017). *Kak vse-taki sdelana "Shinel" Gogolia?* [How Was Gogol's "The Overcoat" Made?]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vse-taki-sdelana-shinel-gogolya> (accessed: 9.02.2026). (In Russian)

5. Startseva, E. V. (2020). *Zhanr zhitiya v russkoi literature nachala XXI veka: k probleme avtorskoi otsenki* [The Genre of Hagiography in Russian Literature of the Early 21st Century: On the Problem of Authorial Assessment]. *Molodoi uchenyi: zhurnal. Dekabr'*. No. 50(340), pp. 578–580. (In Russian)

The article was submitted on 25.03.2026
Поступила в редакцию 25.03.2026

Гаранина Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
olge1703@yandex.ru

Garanina Olga Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
olge1703@yandex.ru